

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ответственный за рубрику: Асатрян Г.С.
© Исламоведение, 2016. Том 7, № 4 (30)
Онлайн-доступ к журналу: <http://islam.dgu.ru>

ISLAM IN THE CONTEMPORARY
WORLD
Person in charge of the section: G.S. Asatryan
© Islamic Studies (Islamovedenie), 2016. Vol.
7, № 4 (30)
Online access to the journal: <http://islam.dgu.ru>

УДК 297.1: 322

Содержание статьи

Информация о статье

DOI:
10.21779/2077-
8155-2016-7-4-5-15

А.А. Кузнецов*

Введение
Внешние и внутренние факторы радикализации ислама на Ближнем Востоке
Салафитское течение и его основные особенности
Две тенденции в салафизме. Предпосылки складывания новой суннитской идентичности
Отношение к монархии в рамках радикального суннитского исламизма. Халифат в рамках новой суннитской идентичности
Интернационализм и глобализм радикальных исламистов нового поколения
Отношение к террористам-смертникам, противоречащее Корану и хадисам
Заключение

Поступила в редакцию: 10.07.2016
Передана на рецензию: 11.07.2016
Получена рецензия: 17.08.2016
Принята в номер: 25.09.2016

«Новая суннитская идентичность» как идеологическая основа для появления радикальных исламистских движений

Российская академия народного хозяйства и государственной службы;
samarkand4@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию нового религиозно-идеологического комплекса, возникшего на Ближнем Востоке в конце XX – начале XXI в., который можно охарактеризовать как «новую суннитскую идентичность».

В статье:

- анализируются внутренние и внешние факторы радикализации суннитского ислама;
- исследуются салафитское течение в исламе и его основные особенности, а также политические движения, связанные с ним и сыгравшие роль в объединении Аравийского полуострова и создании Королевства Саудовской Аравии, включая движение «Ихванов» («Братьев»);
- исследуются два салафитских фундаменталистских течения, одно из которых носит антиэлитный (внесистемный) характер, а другое патронируется в политических целях правящими элитами консервативных монархий Персидского залива;
- рассматривается отрицательное отношение антисистемных салафитов к монархии и их приверженность концепции халифата;
- выявляется транснациональный характер внесистемных радикальных организаций, таких, как «Аль-Каида» и «Исламское государство» (*Организация, запрещённая на территории РФ*), интернационализация салафитов нового поколения;
- анализируется феномен террористов-смертников и его место в новой салафитской идеологии.

* Кузнецов Александр Андреевич, кандидат политических наук, доцент факультета экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

По мнению автора, изменения в коллективном сознании части суннитских общин Ближнего и Среднего Востока связаны с бурным распространением ваххабитской идеологии в регионе в конце XX – начале XXI в. Данный феномен вызван как внутренними, так и внешними причинами. Внутренние причины – имущественное расслоение и социальное недовольство, связанные с незаконченной модернизацией. Среди внешних причин можно выделить американское вмешательство в дела региона и стратегический альянс между США и Саудовской Аравией, продолжающийся на протяжении нескольких десятилетий.

Ключевые слова: *новая суннитская идентичность, салафизм, ваххабизм, фундаментализм, Ибн Таймийя, Саудовская Аравия, проэлитные тенденции, антиэлитные тенденции.*

UDC 297.1: 322

DOI 10.21779/2077-8155-2016-7-4-5-15

A.A. Kuznetsov*

The content of the article

Introduction
The internal and external factors of Islam radicalization in the Middle East.
The Salafi sect and its main features
Two trends in Salafism. The background of a new Sunni identity construction
The attitude to monarchy within radical Sunni Islamism. The Caliphate in the new Sunni identity
Internationalism and globalism of the new generation of radical Islamists
The attitude to suicide bombers that contradicts the Qur'an and the hadiths
Conclusion

Information about the article

Received: 10.07.2016
Submitted for review: 11.07.2016
Review received: 17.08.2016
Accepted for publication: 25.09.2016

The New Sunni Identity as an Ideological Background of Radical Islamist Movements

The Russian Academy of National Economy and Public Administration; samarkand4@yandex.ru

The article is devoted to the study of a new religious and ideological phenomenon that appeared in the Middle East in the late 20th – early 21st century and that may be defined as a *new Sunni identity*. The author

- analyses the internal and external factors of Sunni Islam internationalization in the early 21st century;
- studies the Salafi sect of Islam and related political movements such as the movement of *Ikhwan* (“*Brothers*”) and their role in the unification of the Arabian Peninsula and the formation of the Kingdom of Saudi Arabia;
- researches the two fundamentalist Salafi sects. One of them is of anti-elite nature, while the other enjoys the political patronage of the ruling elites of the conservative Gulf monarchies;

* *Alexander A. Kuznetsov* – Candidat of Sc. (Politics), associate professor of the Faculty of Economics of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

- considers the negative attitude of the pro-opposition Salafis toward the idea of monarchy and their adherence to the Khaliphate ideology;
- uncovers the transnational nature of such organizations as Al Qaeda and the Islamic State and the internationalization trends of the new generation of Salafis;
- analyses the phenomenon of suicide-bombers and its role in the new Salafi ideology.

According to the author, the changes in the collective consciousness of the Middle East Sunni communities are associated with the rapid spread of the Wahhabi ideology in the region in the late 20th - early 21st century. This phenomenon is caused by both internal and external factors. The former are the social stratification and unrest related to the unfinished modernization, while the latter comprise American meddling in the affairs of the region and the decades-long strategic alliance between the US and Saudi Arabia.

Keywords: *new Sunni identity, Salafism, Wahhabism, Saudi Arabia, Ibn Taymiya, anti-elite trends, pro-elite trends.*

Введение

Начало XXI столетия ознаменовалось серьезным политическим кризисом на Ближнем Востоке, повлекшим за собой разрушительные военно-политические конфликты в Сирии, Ливии, Ираке, Йемене. Промежуточным итогом этих конфликтов стали гибель сотен тысяч людей, миллионы беженцев и перемещенных лиц, полное разрушение экономики и инфраструктуры ряда арабских стран. В условиях распада государственности в ряде стран региона и существенного ослабления социально-политических институтов значительно усилились позиции радикальных и экстремистских группировок, которые не только ведут борьбу с существующими правительствами и внешними игроками, но и берут под контроль значительные территории, проводя на них этнические и религиозные чистки и устанавливая свои порядки. Примером таких группировок могут служить «Исламское государство» (*Давля исламийа фи'ль Ирак ва аш-Шам*) (Организация, запрещённая на территории РФ), контролирующая значительные территории на севере Сирии и Ирака, где проживают 8 млн человек, «Джебхат ан-Нусра» (Организация, запрещённая на территории РФ), объявившая о создании исламского эмирата на территории сирийской провинции Идлиб, или «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП), контролирующая ряд населенных пунктов в йеменских провинциях Хадрамаут и Абьян. Более того, Организация «Исламское государство» (запрещённая на территории РФ) объявила о глобальных претензиях. Под ее влиянием (если не организационным, то идеологическим) регулярно проводятся террористические акты в Ираке, Сирии, Йемене, Пакистане, Египте, Франции, Бельгии, Турции. При этом детонатором нестабильности выступают чаще всего политические группировки, связанные в религиозном плане с суннитским направлением ислама.

Сразу же оговоримся, что ислам, будучи традиционно религией мира и милосердия, не является исключительным источником религиозной нетерпимости. Любая монотеистическая религия при неправильной интерпретации может служить базой для насильственной экспансии и подавления инакомыслия [6, с. 121–186]. Достаточно указать на западное христианство (католицизм и протестантизм). На совести их адептов в Средневековье и Новое время были Крестовые походы с элементами геноцида в отношении мусульман и еретиков (альбигойцев), разрушительные военно-политические конфликты между католиками и протестантами (Тридцатилетняя война, Гугенотские

войны во Франции), геноцид индейцев Северной и Южной Америки. Пацифизм или алармизм представителей той или иной конфессии обуславливаются конкретными социально-политическими условиями. Тем более важным представляется анализ факторов, благоприятствовавших распространению экстремистских течений среди суннитов в начале XXI века.

Внешние и внутренние факторы радикализации ислама на Ближнем Востоке

Внешними факторами, способствовавшими радикализации ислама на Ближнем Востоке, были Исламская революция 1979 года в Иране, ирано-саудовское геополитическое соперничество и американское военно-политическое вмешательство в дела региона. Радикализация суннитов в странах Ближнего Востока обусловлена двумя факторами: 1) маргинализация части суннитского населения на Ближнем Востоке в начале нынешнего столетия; 2) застой в суннитской теологической мысли на протяжении последних пятисот лет. Монгольское нашествие в XIII веке нанесло значительный ущерб материальной и духовной культуре исламского мира. В то же время шиитский социум уже через 150 оправился от последствий монгольского завоевания. Французский культуролог и религиовед Анри Корбен убедительно доказал, что эпоха Сефевидов знаменовала собой пик интеллектуального поиска в шиизме. Ширазская (XVI в.), Исфаханская (XVII в.) и Себзеварская (XVIII в.) школы исламской философской мысли способствовали появлению оригинальной онтологии, гносеологии и политической философии [5, с. 309–350].

В суннитской умме крупными философами и теологами были Мухиддин ибн аль-Араби (XIII в.), а также Садрaddin Куньяви и Ибн Таймийя (XIV в.). Первые два мыслителя относились к суфийскому направлению. XV–XVI века ознаменовались расцветом суфизма. Однако в силу ряда причин *ат-тасаввуф* не смог помочь в формировании адекватной идеологии в исламском мире. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, культ личности суфийских наставников (муршидов), несовместимый с демократическим духом изначального ислама. Во-вторых, хорошие отношения суфиев с властью, причем зачастую с наиболее деспотическими режимами (династия Тимуридов). В-третьих, распространение экзотических практик (*зикр, сама*), остававшихся чуждыми многим мусульманам.

Салафитское течение и его основные особенности

Во многом благодаря указанным факторам значительную роль в последующем развитии мусульманской теологии сыграл салафизм, основателем которого считается Такиюддин Абуль-Аббас Ахмад ибн Абдулхалим ибн Мадждиддин ибн Абдуссалам ибн Таймийя аль-Харрани (1263–1328 гг.). Время жизни и творчества Ибн Таймийя совпало с тяжелыми испытаниями для Ближнего Востока – монгольским нашествием, приведшим к экономической, гуманитарной и культурной катастрофе. Причиной успехов монголов, как до этого успехов крестоносцев, Ибн Таймийя считал недостатки мусульманской уммы, уклонившейся от истинного ислама и впавшей в ересь, а также нововведения (*бид'а*). В качестве проявления губительных новшеств богослов считал рационалистическую философию (калам), богословские воззрения ашаритов и суфийские практики. Разумеется, считать выдающегося мыслителя XIV века ответственным за теракты, совершенные в XX–XXI вв., было бы так же нелепо и непродуктивно, как объявлять философа Фридриха Ницше ответственным за эксцессы национал-социа-

листического режима в Германии. Однако позже многие его идеи вдохновили лидеров наиболее радикальных и экстремистских организаций.

Мировоззрение Ибн Таймийи повлияло на доктрину основателя ваххабизма Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703–1790 гг.), являющуюся официальной версией ислама в Саудовской Аравии. Основой ваххабизма является строгое единобожие (*таухид*). При этом под рубрику политеизма (*ширк*) попадают суфизм и поклонение святым. Особенностью ваххабизма является крайняя сектантская нетерпимость к другим проявлениям ислама. В терминологии современного российского социолога А.Г. Дугина ваххабизм является восстанием «керигмы» против «структуры» в рамках одной и той же религиозной парадигмы. Под керигмой А.Г. Дугин понимает рациональное содержание религиозной проповеди. Структурой в данном случае является мифологический комплекс, включающий в себя остатки доисламских верований в контексте мусульманской культуры. Таким образом, керигму можно определить как «исламское учение минус мифология» [2, с. 300].

Известный российский востоковед А.А. Васильев пишет по поводу сектантской направленности ваххабитской доктрины: «По сообщению И. Буркхардта, каирские богословы, в целом настроенные против ваххабитов, заявили, что они не могли найти никакой ереси в их учении, а так как это было заявление, сделанное «вопреки собственному желанию», оно может вызвать меньше всего подозрений. После того как многие каирские богословы прочли написанную Абд аль-Ваххабом книгу, они единодушно заявили, что если таково мнение ваххабитов, то и они сами полностью принадлежат к этой вере. Однако, как представляется, ваххабиты – это сектанты именно потому, что они выступили против суннизма в той форме, которая тогда господствовала, хотя бы с позиций «очищения» этого суннизма. В своей борьбе против ортодоксальных суннитов (столп которых аль-Газали) они опирались на Ибн Таймийю. Выступление против распространенных догм с позиций сверхортодоксальности носило столь же сектантский характер, что и попытки разрушить, обновить или изменить некоторые их основы» [1, с. 68].

Идеология ваххабизма помогла эмирам из семьи аль-Саудов объединить разрозненные бедуинские племена Неджда и использовать их для достижения своих целей. С середины 18-го века столпами власти на Аравийском полуострове (Джазират уль-Араб) являются находящиеся в альянсе семьи аль-Саудов и Ааль аш-Шейх (потомки Мухаммеда ибн Абд аль Ваххаба). Если зоной ответственности первых является политика, то в компетенцию вторых входят религия, культура и образование. Особенностью ваххабитского вероучения является то, что оно считает «неверными» не только христиан, иудеев и политеистов-язычников, но и правоверных мусульман, воззрения которых расходятся с ваххабитскими. При этом впервые в истории ислама ваххабиты сочли себя вправе объявлять такфир другим мусульманам и вести с ними непримиримую борьбу, доходящую до геноцида [1, с. 215–217].

Наиболее радикальные формы ваххабизм приняты в движении «Ихванов» (не путать с «Ихван аль-муслимин», «Братьями-мусульманами»). «Ихваны» были наиболее крайними поборниками ваххабизма, порвавшими со своим племенным окружением и жившими в особых военных поселениях. Ихваны составляли авангард армии основателя Саудовского государства Абдель Азиза, активно использовавшего их в борьбе за объединение Джазират уль-Араб (1903–1926 гг.). Однако в процессе объединения аравийских земель выяснилось, что в их состав вошли гетерогенные регионы и общины: бедуины Неджда, шииты Катифа и Эль-Хасы, оседлое торговое население Хиджаза. Для консолидации новых подданных Абдель Азиз был вынужден умерить ваххабит-

ский фанатизм и проявлять терпимость. Такая политика вызвала отторжение со стороны бывших соратников. В результате кровавой гражданской войны 1927–1930 годов большая часть «Ихванов», не вписавшихся в новый порядок, была уничтожена [1, с. 300–350].

Две тенденции в салафизме. Предпосылки складывания новой суннитской идентичности

С этого времени можно говорить о появлении в салафизме двух тенденций: государственнической и революционно-консервативной. По мнению ливанского политолога Амаля Саада Горайеба, в суннитском исламизме последних двадцати лет присутствуют две парадигмы. Первая – это парадигма «Аль-Каиды», религиозно, доктринально и идеологически мотивированная и стремящаяся представлять себя в виде нового сопротивления, революционной и популистской модели для суннитского региона. Такая модель не обязательно является альтернативой «Хизбалле», но стремится конкурировать с ним. Она является повстанческой на национальном уровне и представляет тренд джихадизма на глобальном уровне. Амаль Горайеб справедливо называет эту версию суннитского исламизма «антисистемой».

Параллельно с этим трендом существует более узкая суннитская конфессиональная модель, спонсируемая определенными государствами (Саудовской Аравией, Катаром, Турцией) и имеющая исключительно политические цели. Такая модель тесно связана с правящими элитами и отдельными политиками. Она может пересекаться или не пересекаться с салафитским трендом, но обязательно отражает опасения суннитского истеблишмента перед «шиитской угрозой». «Таким образом, «суннитское возрождение» является продуктом как повстанческих, джихадистских и антиэлитных сил, так и сил проэлитных» [13, с. 182]. Интересно, что представители «системного» суннитского исламизма считают своими культовыми фигурами Саддама Хусейна и Рафика Харири, рассматривая их в качестве шахидов, павших от рук шиитов. При этом они игнорируют тот факт, что Саддам Хусейн был левым светским арабским националистом. Что касается бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири (убит в 2005 г.), то, будучи религиозным человеком в быту, он не подвергал сомнению демократические институты и политическую систему Ливана. Он был тесно связан с финансовым капиталом Запада, против которого выступают радикальные исламисты [13, с. 212].

Складывающаяся на Ближнем Востоке под влиянием ваххабитской парадигмы новую религиозно-идеологическую систему можно охарактеризовать как «новую суннитскую идентичность». Ее характерной чертой является разрыв с прежними фундаментальными основами традиционного суннитского мировоззрения. Датой появления радикального суннитского исламизма можно считать 20 ноября 1979 года, когда группа экстремистов в Саудовской Аравии захватила Мечеть аль-Харам в Мекке и в течение нескольких дней удерживала ее. Данную группу возглавлял Джухайман аль-Утайби, представитель влиятельного неждийского племени утайб, предки которого активно участвовали в движении «Ихванов». Неслучайно американский политолог Алистер Крук считает новую генерацию радикальных исламистов духовными наследниками «Ихванов» 1920-х годов [10]. В компетентности этого исследователя сомневаться не приходится, ведь он долгие годы был оперативником ЦРУ в Саудовской Аравии и Йемене, а в настоящее время возглавляет Центр стратегических исследований в Бейруте. После данного теракта, нарушившего стабильность в Саудовской Аравии, ко-

ролевская семья вынуждена была пойти на ряд мер укрепления безопасности. Они включали в себя создание Национальной гвардии под командованием тогдашнего кронпринца и будущего короля (2005–2015 гг.) Абдаллы бин Абдель Азиза. Национальная гвардия комплектовалась из представителей лояльных престолу племен, в частности племени шаммар, из которого происходила мать Абдаллы [11, с. 36–48].

Триггером захвата Масджид аль-Харам послужила Исламская революция 1979 года в Иране, вдохновившая саудовских радикалов (в то время шиитско-суннитский раскол еще не был так глубок). Однако рост экстремизма в КСА был бы невозможен без влияния внутренних, глубинных факторов. Главным из них стал социальным кризис, связанный с глубоким расслоением в саудовском обществе. До эпохи короля Фейсала бин Абдель Азиза (1964–1975 гг.) саудовский социум носил патриархальные черты, а уровень жизни королей и эмиров был немногим выше, чем у их подданных. Однако с ростом доходов от нефти отрыв правящей элиты от рядовых саудитов все больше усиливался. В обществе наблюдалось падение нравов. Все это резко контрастировало с пуританскими идеалами изначального ваххабизма, предписывавшими представителям политической элиты быть скромными в быту и не отличаться от единоверцев. Отдаление от социального идеала вызывало все большую фрустрацию у политически активных ваххабитов [11, с. 36–48].

Отношение к монархии в рамках радикального суннитского исламизма. Халифат в рамках новой суннитской идентичности

Трансформация идеологии ваххабитов привела их к идее отказа от саудовской монархии. Напомним, что монарх Саудовской Аравии обладает титулом «малик» (король). Слово *малик* с долгим *и* употребляется в арабском языке исключительно редко. Оно единственный раз встречается в Коране (54:55) и очень редко встречается в хадисах – высказываниях Пророка Мухаммада. Это слово в кораническом аяте точнее было бы перевести как «то (или: тот), над чем (или: над кем) царствует [Аллах]», т. е. предположительно некий «распорядитель Рая, о котором идёт речь в последних аятах этой суры Корана – «Аль-Камар» («Месяц»). Крайне сомнительна правомерность включения слова *малик* с долгим *и* в Прекрасные Имена Аллаха, как это делают некоторые мусульманские богословы. Слово *малик* с долгим *и* употреблено в Коране без определённого артикля, в так называемом «неопределённом» состоянии, и не может быть отнесено к Аллаху как бытийной данности.

В 1925 году основатель династии Абдель Азиз Аль Сауд был объявлен королём Неджда. С 1932 года государство Абдель Азиза Аль Сауда (нынешнее Королевство Саудовская Аравия) стало официально именоваться королевством, а глава династии – его королём (араб. *малик* с краткими *а* и *и*) [3]. Когда Саудиты взяли себе титул короля, они (очень вероятно, сами того не желая) поставили будущее своего государства в зависимость от исхода конфликта двух принципов власти, с реализацией которых развивается политическая история исламского мира. Эти два принципа – **халифат** как *правильная исламская власть* в мусульманской общине после Пророка и противоположность халифата – *неисламская власть* – власть человеческая (неважно – монархия или республика), подобная власти императора Византии времён Пророка и обозначавшаяся арабским словом *мульк* (обычно переводится на русский язык как «царская власть»), в приложении к человеку оно имеет только негативные коннотации.

Таким образом, ваххабиты-антисистемщики отрицают сам принцип монархической власти, на котором держатся политические системы государств Персидского зали-

ва и настаивают на возвращении к исламскому халифату. Наиболее ярко этот тренд проявляется в идеологии террористической организации «Исламское государство» (запрещена на территории РФ). Его главный идеолог – Абу Мухаммед аль-Макдиси открыто подвергает сомнению легитимность саудовской монархии. В трактате «Ясные доводы неверия Саудовского государства» (араб. *Аль-Кавишииф аль-джалиийя фи-куфр ад-дауля ас-Саудийя*) он доказывает, что правящая в Аравии династия Саудитов (араб. *Аль Сауд*) – «неверные» (араб. *куффар*), узурпировавшие власть у Хашимитов – рода Пророка Мухаммада [8].

Интернационализм и глобализм радикальных исламистов нового поколения

Отличительной особенностью радикальных исламистов нового поколения являются своеобразный интернационализм и глобализм. Им недостаточно «следования праведности и исправления греха» в одной отдельно взятой стране. Целью этих политических активистов является построение халифата в рамках всего мусульманского мира. Столкнувшись с проблемой экстремизма в конце 1970-х годов, саудовские власти попытались вытеснить ее вовне. С началом 1980-х годов Саудовская Аравия стала наряду с Соединенными Штатами архитектором и вдохновителем антисоветского джихада в Афганистане. Саудовские спецслужбы способствовали возникновению международных джихадистских организаций, привлекавших арабских моджахедов в Афганистан, опекали и финансировали такие организации. Так возникла «Аль-Каида» Абдаллы Аззама, позже получившая всемирную известность. При этом семья аль-Саудов жестко боролась с экстремизмом у себя дома. Принц Наеф бин Абдель Азиз, занимавший пост министра внутренних дел КСА в 1975–2012 годах, по существу, ставил саудовских радикалов перед жесткой альтернативой: либо тюремное заключение или казнь на родине, либо участие в джихаде за рубежом [12, с. 121–132]. История последних двух десятилетий показала, что эта практика не оправдала себя. Антисистемные ваххабиты грозят уничтожить не только светские режимы на Ближнем Востоке, но и королевскую семью Саудовской Аравии.

Стратегическое партнерство с Вашингтоном привело к тому, что на протяжении тридцати лет американцы лояльно относились к саудовской миссионерской деятельности по всему миру. Французский исследователь Жиль Кепель так оценивает процесс ваххабизации суннитской уммы: «До 1973 года повсеместно сохраняли господствующие позиции местные (национальные) традиции, воплотившиеся в народной религиозности, богословы различных правовых школ суннизма, утвердившихся в крупных регионах мусульманского мира, а также шиитское духовенство. Они с подозрением относились к пуританизму в саудовском исполнении, ставя ему в вину сектантский характер. Ваххабиты поставили перед собой цель – сделать ислам главной действующей силой на международной арене и одновременно свести многочисленные интерпретации этой религии к символу веры хозяев Мекки. Их рвение охватывало весь мир, выплескиваясь через традиционные географические границы Ислама и достигая Запада, где мусульманское иммигрантское население сделалось излюбленной мишенью саудовского прозелитизма. Все это позволяло защитить хрупкую монархию, делая ее для окружающего мира страной благотворительности и религиозности. Это также должно было заставить всех забыть, что, в конечном счете, защита королевства обеспечивалась американской военной мощью и что режим, улемы которого поносили безбожников и Запад, находился в полной зависимости от США» [4, с. 74].

Отношение к террористам-смертникам, противоречащее Корану и хадисам

Наряду с интернационализмом и антиэлитизмом важным признаком новой суннитской идентичности является вольная трактовка Корана и Сунны Пророка. Анализ всех нестыковок теологических выводов внесистемных ваххабитов с традиционным мусульманским правом был бы слишком объемным и утомительным. Поэтому в качестве *case study* можно привлечь чрезвычайно важный вопрос о традиционной и экстремистской оценке террористов-смертников. Как известно, и Коран, и Сунна резко отрицательно относятся к самоубийству. В Коране постулируется: «О вы, которые уверовали! Не пожирайте имущества ваших попусту, если это только не торговля по взаимному согласию между вами. И не убивайте самих себя» (4:33). Такие же требования содержатся и в хадисах. В них, в частности, говорится: «Тот, кто намеренно бросится с горы и погубит себя, будет все время лететь вниз в пламени ада, куда он будет помещен навечно. Тот, кто убьет себя железом, будет держать это железо в руке, поражая себя в живот в пламени ада, куда он будет помещен навечно» [7, с. 761]. Можно привести еще один хадис, содержащий осуждение суицида: «Передают со слов Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, что посланник Аллаха, сказал: «Пусть никто из вас не желает себе смерти, ибо если он совершает благое, то, может быть, он сделает еще больше, если же он совершает дурное, то, может быть, он покается» [7, с. 829].

До начала 1990-х годов теракты в мусульманском мире, даже если они прикрывались религиозными лозунгами, происходили в основном против вооруженных сил противника (например, в ходе борьбы палестинского и ливанского сопротивления против израильской оккупации). Оправдание террору в отношении мирного населения с применением террористов-смертников впервые дал основатель «Аль-Каиды» и наставник Усамы бин Ладена Абдалла Аззам в конце 1980-х годов. В то время позиции А. Аззама осудили своими фетвами даже такие жесткие салафиты, как ваххабитский муфтий КСА Ахмед бин Баз и шейх Насируддин Албани. Однако в 1996 г. использование террористов-смертников для запугивания мирного населения было официально оправдано салафитским шейхом Юсуфом Карадауи, находящимся под катараским покровительством. В своей фетве он назвал операции террористов-смертников «наиболее славной формой на пути служения Аллаху» и проявлением «легитимного терроризма» (*аль-ирхаб аль-маишу*) [9].

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, нынешний социально-политический кризис на Ближнем Востоке во многом обусловлен двумя факторами: интеллектуальным кризисом в рамках суннитской уммы и маргинализацией суннитов в ряде стран региона, прежде всего в Ираке, где после американской оккупации 2003 года и прихода к власти в Багдаде в 2005 году коалиции шиитских партий сунниты оказались в положении угнетаемого меньшинства. Серьезную фрустрацию пережили в предыдущее десятилетие и сунниты Сирии в результате ликвидации традиционного баланса в отношениях между общинами и ослабления суннитского бизнеса в пользу силовиков, связанных с алавитской общиной. Протестные настроения суннитов были использованы крайне радикальными экстремистскими силами, существенно увеличившими свое влияние.

Во-вторых, большое влияние на формирование новой суннитской идентичности оказывают салафитская и ваххабитская доктрины. В ваххабизме с момента зарождения

этого движения был заложен «ген разрушения», способствующий появлению радикальных и экстремистских тенденций. При этом в «суннитском возрождении» можно выделить два тренда: 1) антиэлитное джихадистское движение, направленное на разрушение существующих политических систем, как республиканских, так и монархических, 2) движение, связанное с консервативно-охранительной версией салафизма, патронируемое рядом государств Персидского залива. Комплекс продвигаемых салафитами в начале XXI века идей и верований, находящий значительное количество сторонников на Ближнем Востоке, можно назвать «новой суннитской идентичностью», 3) представители «революционного» джихадизма придают своему движению интернациональный характер, выступая за построение Халифата. Своего апогея это движение достигло в экстремистской организации «Исламское государство». При этом одной из главных целей экстремистов является Саудовская Аравия, в свое время немало способствовавшая развитию джихадистского движения. Успешное распространение «новой суннитской идентичности» объясняется интеллектуальной и организационной слабостью традиционного ислама, отсутствием интеллектуальных поисков.

Литература

1. *Васильев А.А. История Саудовской Аравии.* – М.: Наука, 1982.
2. *Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль.* – М.: Евразийское движение, 2009.
3. *Игнатенко А.А. Документированная реплика о попытках ввести новую титулатуру правителей Королевства Саудовская Аравия (опубликовано 2 февраля 2015 г.) / Сайт Институт Ближнего Востока.* Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=23381>
4. *Кепель Ж. Джихад.* – М.: Ладомир, 2004.
5. *Корбен А. История исламской философии.* – М.: Прогресс-Традиция, 2010.
6. *Рикер П. Конфликт интерпретаций.* – М.: Академический проект, 2008.
7. Сахих аль-Бухари. – М.: Умма, 2004.
8. *Мишаури аз-Зауди.* ДАИШ хийя аль-Макдиси ва хийя Кутб // Аш-Шарк аль-Аусат, 08.02.2015.
9. *Champagne M. Le martyr Sunnite transnational “de type Al-Qaeda” / Les cles du Moyen orient.* URL: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/Le-martyr-sunnite-transnational-de.html>
10. *Crook A. You Can't Understand ISIS if you don't know the History of Wahhabism in Saudi Arabia.* Updated Jun 03.2016 / Huffington Post URL: http://www.huffingtonpost.com/alastair-crooke/isis-wahhabism-saudi-arabia_b_5717157.html?utm_hp_ref=world
11. *Lacey R. Inside the Kingdom.* – L.: Penguin books, 2009.
12. *Al-Rasheed M. Kingdom without borders: Saudi Arabia's political, religious and media frontiers.* – Washington: Columbia University Press, 2009.
13. *Rosen N. Aftermath. Following bloodshed of America's wars in the Muslim world.* – N.Y.: Nation book, 2010.

References

1. *Vasiliev A.A. Istorija Saudovskoy Aravii* [History of Saudi Arabia]. Moscow. Nauka. 1982
2. *Dugin A.G. Radikalniy Subiect i ego duble* [The Radical Subject and its Double]. Moscow. Evraziyskoe Dvizhenie, 2009.

3. Ignatenko A.A. *Dokumentiroovannaya replica o popytkah vvesti novuyu titulaturu praviteley Sadovskoy Aravii* [A Documented Remark on the Attempt to Introduce a New Titulary of the Kings of Saudi Arabia]. (published on February 2, 2015) / Website of the Middle East Institute. URL: <http://www.iimes.ru/?p=23381>
4. Keppel J. *Jihad*. Moscow. Lodomir. 2004.
5. Corbin H. *Istorija Islamskoy filosofii* [History of the Islamic Philosophy]. Moscow. Progress-Traditsiya. 2010.
6. Rikeurt P. *Conflict interpretaciy (Conflict of the Interpretations)*. Moscow. Akademicheskii Proekt. 2010.
7. Sahih al-Buhari. Moscow. Umma. 2004.
8. Mishairi al-Zaidi. *DAISH hiya Maqdissi va hiya Qutb / Al Sharq al Awsat*. 08.02.2015.
9. Champagne M. *Le martyr Sunnite transnational "de type Al-Qaeda"* / Les cles du Moyen orient. URL: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/Le-martyr-sunnite-transnational-de.html>
10. Crook A. You Can't Understand ISIS if you don't know the History of Wahhabism in Saudi Arabia. Updated Jun 03, 2016 / Huffington Post URL: http://www.huffingtonpost.com/alastair-crooke/isis-wahhabism-saudi-arabia_b_5717157.html?utm_hp_ref=world
11. Lacey R. *Inside the Kingdom*. L.: Penguin books, 2009.
12. Al-Rasheed M. *Kingdom without borders: Saudi Arabia's political, religious and media frontiers*. Washington. Columbia University Press, 2009.
13. Rosen N. *Aftermath. Following bloodshed of America's wars in the Muslim world*. N.Y.: Nation book, 2010.